

DK221

T4

1878 B

ОТВѢТЪ

STANFORD
LIBRARIES

НА

ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

Н. Цитовича.

ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ОДЕССА.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ЛУГЪ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 11

1878.

РОСПИСКА.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ недѣль, при по
средствѣ почты, мнѣ подкинута нѣсколько анонимныхъ
писемъ изъ Петербурга. Письма бывали открытыя и
закрытыя, въ стихахъ и въ прозѣ, писаны почеркомъ
и палочками.

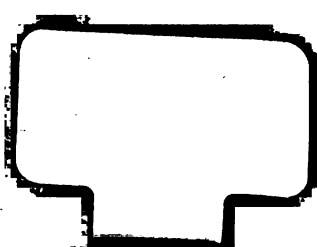
Сегодня, все тѣмъ же средствомъ, подкинута еще
ругательное письмо, но уже за подписями цѣлаго роя
неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, именующихъ себя: «студенты
Императорской Медико-Хирургической Академіи». Какъ
и письма предыдущія, это соборное посланіе, кромѣ
брани, ничего другаго не заключаетъ.

Въ полученіи всей этой корреспонденціи и даю
настоящую росписку.

П. Цитовичъ.

Одесса,
1878 г. Ноября 18.

Дозволено Цензурою. Одесса 23 ноября 1878 г.

ОТВѢТЪ

НА

ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

Н. Цитовича.

ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ОДЕССА.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 3.
1878.

Дозволено Цензурою. Одесса, 17-го ноября 1878.

ОТВѢТЪ

на

ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

Милостивый государь!

Безъ винъ виноватъ предъ вами: до сихъ поръ не далъ отвѣта на ваши «*Письма къ ученымъ людямъ*» *). Отвѣчать нужно на оба посланія, насколько и въ письмѣ № II, адресованномъ не ко мнѣ, вы затронули одну и ту же тему и не разъ упомянули меня. Промедленіе произошло оттого, что письма появились въ то время, когда меня не было въ Россіи; я узналъ объ нихъ лишь нѣсколько дней назадъ, возвратившись домой. Въ предѣлахъ возможности — спѣшу исправить невольную проволочку.

Отвѣтъ на письма публикую отдѣльной брошюрой. Это прежде всего потому, что «наше сословіе» не распоряжается органами періодической прессы. Кромѣ того, форма летучей брошюры имѣетъ то удобство, что нѣтъ надобности соображаться съ чужими интересами и вкусами.

Теперь къ дѣлу.

Я не стану распространяться о той части вашего перваго письма, которая, такъ сказать, случайнаго характера; брань, направленная лично противъ меня, могла бы быть оставлена безъ вниманія. Брань, повидимому, — вашъ промыселъ; а во всякомъ обществѣ, кромѣ промысловъ необходимыхъ, есть и промыслы тер-

*) См. Отечественныя Записки 1878 г. №№ 6 и 7.

пимы. Кромѣ того, «наше», т. е. ученое сословіе, какъ извѣстно, всегда отличалось безотвѣтностью. Мало-ли что съ нимъ продѣлывали и продѣлываютъ не только вы, т. е. «ваше сословіе», но и разные другіе, кому, быть можетъ, слѣдовало бы поступать иначе? Да притомъ, обруганъ не я одинъ, но за-одно съ г.г. Герье и Чичеринимъ; а на людяхъ, какъ извѣстно, и смерть красна. Мало того: я даже готовъ благодарить васъ за то, что изъ вашихъ писемъ впервые узналъ о книгѣ г.г. Герье и Чичерина; книги не было здѣсь въ маѣ мѣсяцѣ, какъ нѣтъ и по сей день.

Точно также, нѣтъ особенной надобности препираться, — съ вами или съ кѣмъ другимъ, — по вопросу объ ученыхъ подвигахъ Посникова. О чемъ же тутъ препираться? Если бы вы или кто другой требовали отъ меня новыхъ подтвержденій моего мнѣнія объ этихъ подвигахъ, я могъ бы еще считать себя обязаннымъ удовлетворить такому требованію. Но вѣдь рѣчь не объ этомъ: вы сами чувствуете, что никакихъ новыхъ подтвержденій здѣсь не нужно, что и безъ нихъ негодность работъ Посникова ясна божьяго дня, а непричастность автора къ политической экономіи и ко всякой другой «заправской наукѣ» граничитъ съ непочатостью. Потому, вы не пытаетесь стать на почву доказательствъ, ограничиваясь замѣчаніемъ, что если работа Посникова составлена и «мошенническимъ образомъ» («c'est le mot» — поясняете вы); то все же его нужно похвалить за «хорошую сущность дѣла» и за «ту точку зрѣнія, на которую онъ всталъ». Для меня, разумѣется, не такъ еще очевидна доброкачественность «сущности» самаго «дѣла». А потому, — по вопросу о сочетаніи мошенничества съ хорошей сущностью не всѣ, конечно, раздѣляютъ ваше мнѣніе. Но это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ человѣческихъ разногласій, которые рѣдко устраняются взаимными доводами противниковъ; значитъ, мы съ вами такъ и будемъ оставаться, — каждый при своемъ мнѣніи.

Далѣе, не разъ, а раза четыре, вы ставите мнѣ на видъ то обстоятельство, что Посниковъ — мой товарищъ по службѣ

въ университетѣ; товарищѣй же не обматываютъ, а поклоняются. Но прежде всего, позвольте спросить, вѣдѣли вы когда-нибудь кто я и кто Посниковъ? Ни въ книжкахъ, ни въ моей брошюрѣ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Но такія вещи добываютъ ихъ путемъ частныхъ справокъ. Но такой путь всегда надежный; и потому, казалось бы, не долженъ имѣть мѣста въ литературѣ, не будь она въ рукахъ «вашего сословія.» Ваши справки, дѣйствительно, не вполне точны, если вы полагаете, что Посниковъ—мой соперникъ по специальности. Положимъ, въ данномъ случаѣ неточность особаго значенія не имѣетъ. Но я указалъ на нее въ напомниманіе, что ваше приглашеніе всѣхъ и каждого доставлять вамъ свѣдѣнія о профессорахъ для дальнѣйшихъ писемъ есть приглашеніе къ сплетнямъ.

По поводу упрека въ нарушеніи мною правилъ товарищества еще одно замѣчаніе. Хорошо это или дурно, но я, дѣйствительно, не такой поклонникъ узъ товарищества, чтобы ради нихъ молчать, когда обязанъ говорить. А говорить о Посниковѣ я былъ обязанъ въ силу той ответственности, какая лежитъ на мнѣ какъ на членѣ факультета и совѣта; что говорилось изустно и письменно, повторено въ печати со всѣми доказательствами. Наконецъ, я всегда помню тотъ фактъ, что на узы товарищества обыкновенно ссылаются тамъ, гдѣ ни на что другое сослаться нельзя; напр., когда нѣтъ оправдательныхъ документовъ въ израсходованіи казенныхъ или вообще чужихъ суммъ.

Но ваша злость на меня за Посникова вполне понятна. Вы (а не я,—примите къ свѣдѣнію) причисляете его къ вашимъ, т. е. къ людямъ «новаго направленія научной мысли». А между тѣмъ, какъ вы сами же замѣчаете, всякій, кто прочтетъ мою рецензію, невольно скажетъ: «эге! вотъ они каковы защитники общины и новаго слова въ наукѣ!» Но я то чѣмъ виноватъ? Вы вотъ тоже поборникъ «общины и новаго слова въ наукѣ»; а между тѣмъ, въ отечественной географіи хромаете: въ письмѣ второмъ, къ г.г. Герье и Чичерину, Полѣсье, напр., помѣщаете въ Малороссіи. Впрочемъ, въ томъ же письмѣ вы

съ успѣхомъ доказали, что для людей «новаго слова» излишни познанія въ арифметикѣ, географіи и въ другихъ «запрывавскихъ наукахъ». Въ самомъ дѣлѣ,—и безъ такихъ познаній можно оставаться сыномъ своихъ родителей, хорошимъ патріотомъ и русскимъ журналистомъ; лишь бы «сущность дѣла» была хороша, остальное только сушитъ умъ и сердце. Точь-въ-точь та барышня, что на пріемномъ экзаменѣ въ пансіонъ отказалась отвѣчать изъ четырехъ правилъ арифметики, ссылаясь на то, что она занималась соціальными вопросами и потому не имѣла времени позаняться арифметикой. Дѣйствительно, русскому ли соціологу заниматься такими предрасудками, когда для арифметики есть учителя народныхъ школъ, а для географіи—кондукторы желѣзныхъ дорогъ?

Теперь перейдемъ къ другой части вашего письма, которая направлена уже не противъ меня лично, а противъ всего «нашего сословія». Она то и важна; безъ нея не было бы настоящаго отвѣта.

Я тоже буду (какъ и вы) говорить здѣсь не только за себя, но и за другихъ членовъ своего сословія. Довѣренности на это у меня, правда, нѣтъ; но у васъ ея тоже не было; значить,—волонтеръ противъ волонтера. Далѣе: вы сочли нужнымъ оговориться, что не всѣхъ своихъ собратовъ считаете солидарными съ вами, и потому говорите не за всѣхъ. Я также готовъ сдѣлать подобную оговорку, и не стану отстаивать всѣхъ своихъ собратовъ на-проломъ. Нѣтъ спора, что въ нашемъ сословіи найдутся и такія исключенія, которымъ слѣдуетъ быть съ вами, т. е. въ рядахъ нашего сословія, если не въ иномъ, болѣе увеселительномъ мѣстѣ. Но съ другой стороны, въ рядахъ вашего сословія, несомнѣнно, есть лица, которымъ мѣсто среди насъ, а не съ вами. Потому,—обращаясь къ вамъ и къ вашему сословію, я дѣйствую съ разборомъ: не имѣю въ виду всѣхъ тѣхъ, по мнѣнію которыхъ незнаніе правилъ арифметики составляетъ существенную помѣху заниматься соціальными вопросами, все равно, въ роли журналиста или въ роли профессора.

За что же, собственно, вы, т. е. ваше сословіе, такъ сер-